

Аксиология уголовного права как метод рациональной криминализации

Аннотация. Криминализация деяний, которые законодатель полагает преступными, является стержневой процедурой, формирующей уголовное законодательство и фундаментом уголовно-правовой политики государства. Общепринятым основанием криминализации является признание деяния общественно опасным. Таким образом, сегодня криминализация обладает свойством порочного круга в определении (лат. *circulus in definiendo*) — ситуации, при которой определение явления включает в себя свойства самого явления: основанием криминализации, т.е. признания деяния преступлением, является признание деяния преступным. Паралогизм в основании правовой конструкции определяет ее несостоятельность. Цель статьи заключается в выявлении роли ценностного подхода в криминализации деяний. Автор предлагает связать основание криминализации с наиболее важными (универсальными) ценностями, жизненными благами и интересами, которые нуждаются в особенной защите государством. Рационализация криминализации требует совершенствования представлений об объекте преступления, который во многом тождествен защищаемому (и нарушенному) интересу и благу. Процесс наделения деяний признаками преступности и противоправности должен базироваться на признании фундаментальности универсальных человеческих ценностей, а уголовному праву следует направить на их защиту всю тяжесть своих охранительных мер.

Ключевые слова: законодательство; криминал; криминализация; наказание; права человека; право; преступление; преступность; уголовное право; уголовный закон.

Для цитирования: Антонченко В. В. Аксиология уголовного права как метод рациональной криминализации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 91–106. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.091-106.

Axiology of Criminal Law as a Method of Rational Criminalization

Vadim V. Antonchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Far Eastern Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia for Educational and Scientific work, Vladivostok, Russian Federation
antovadim@yandex.ru

Abstract. The criminalization of acts that the legislator considers criminal is the core procedure that forms criminal legislation and the foundation of the state's criminal law policy. The generally accepted basis for criminalization is the recognition of an act as socially dangerous. Thus, today the process of criminalization has an attribute of a

© Антонченко В. В., 2024

* Антонченко Вадим Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Дальневосточной пожарно-спасательной академии МЧС России по учебно-научной работе
п. Аякс, д. 27, о. Русский, г. Владивосток, Российская Федерация, 690922
antovadim@yandex.ru

vicious circle in definition (Latin: *circulus in definiendo*). This is a situation in which the definition of a phenomenon includes the properties of the phenomenon itself: the basis for criminalization, that is, the recognition of an act as a crime, is the recognition of the act as criminal. The paralogism at the basis of the legal structure determines its inconsistency. The purpose of the paper is to identify the role of the value approach in the process of criminalization of acts. The author proposes to link the basis of criminalization with the most important (universal) values, life benefits and interests that require special protection by the state. Rationalization of criminalization requires improvement of ideas about the object of crime, which is in many ways identical to the protected (and violated) interest and good. The process of endowing acts with the characteristics of criminality and illegality must be based on the recognition of the fundamental place of universal human values, and criminal law should direct the full weight of its protective measures towards their protection.

Keywords: legislation; crime; criminalization; punishment; human rights; law; crime; criminality; criminal law; criminal statute.

Cite as: Antonchenko VV. Axiology of Criminal Law as a Method of Rational Criminalization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(12):91-106. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.091-106

Введение

Деяния, признаваемые преступными, по мнению законодателя, приносят либо могут принести вред каким-либо интересам, ценностям или благам, т.е. обладают признаком общественной опасности. Криминализация защищает данный интерес (ценность, благо) от преступного посягательства и служит целям уголовной политики. Однако она может служить также и целям политики вообще и в этом случае коренным образом влиять на жизнь всего общества. Указанное требует поиска рациональной модели криминализации, а если, как полагают многие ученые, таковая не является возможной¹, то по крайней мере формулирования приемлемой и безопасной для социума парадигмы определения преступного.

Система социальных ценностей общества, влияющих на оценку актов индивидуального поведения и проблемы уголовно-правового запрета, исследована автором через анализ социальных детерминант, определяющих основания криминализации, диалектический, функциональный и системно-структурный методы. Универсальность ценностей, коррелирующая с процессами, доминирующими в социальной динамике и детерминирующими то или иное

состояние общественного благополучия и безопасности, выявлена аксиологическим методом.

Девиантное поведение индивидов, наносящее ущерб самой личности или окружающим людям, видимо, неотъемлемый элемент существования социума. В догосударственный период развития человеческой цивилизации, когда правил, установленных и защищаемых государством, не существовало, в человеческом сообществе (стаде, племени, общине, роде и т.д.) имелись представления о должном (одобряемом) и недолжном (неодобряемом) поведении члена данной общности. С появлением права как регулятора общественных отношений и системы общеобязательных правил поведения стало возможным говорить о преступлении как об индивидуальном акте и о преступности как социальном явлении.

Несмотря на все известные меры по борьбе с преступностью, она сопровождала существование человечества с незапамятных времен и, наверное, продолжит сопутствовать бытию социума в обозримом будущем. Однако уровень преступности и степень ее воздействия на общественные отношения значительно различаются в зависимости от места (страны, государства), времени и социокультурной ситуации, включающей различные аспекты общественной жизни

¹ Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация : Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург : Sapientia, 2020.

(экономику, политику, религию, традиции, ценности и нормы поведения).

В средневековый период отечественного права для обозначения нарушений, влекущих за собой наказание, применяются термины: «обида» (Русская Правда), «лихое дело» (Судебник 1550 г.), «злое дело» (Соборное уложение 1649 г.). С развитием права и приобретением антиобщественным поведением родовых признаков под преступлением стали понимать общественно опасное виновное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

По краткому и образному выражению Пауля И. А. Фейербаха, криминолога, разработавшего первое учение о юридическом вменении, «*nullum crimen sine lege*» («нет преступления без закона»)². Из этого формального и краткого определения также следует, что преступления появились только тогда, когда появился соответствующий закон (норма), признающий деяние преступным. Поскольку данный процесс (криминализация деяния) осуществляется государством (властным органом, имеющим соответствующие полномочия), постольку он не может быть свободен от политической конъюнктуры и интересов (как рациональных, так и иррациональных) властных элит. Политическая конъюнктурность отягощает процесс осмысления проблем криминализации необходимостью учета самых разных объективных и субъективных факторов, основными из которых являются властный интерес и проявление политической воли законодателя.

Уголовный закон — очень мощное оружие в руках государства; его использование сопряжено не только с рисками неоправданной либо излишней дискриминации индивидов и их групп, но и с возможностью манипулирования обществом, отягощением социальной жизни различными, уже легальными угрозами благополучию и безопасности широкого круга индивидов. Уголовное законодательство как инструмент борьбы с криминалом способно, при соответствующем его качестве, улучшить или,

наоборот, осложнить криминальную обстановку в стране. Стремление к социальной гармонии необходимо, даже если сама гармония недостижима, — в этом суть цивилизационного развития человечества, пусть далеко не свободного от пороков, но прилагающего усилия для своего прогресса.

Объект преступления как производная от ценности и блага

Учение о составе преступления и его элементах возникло и развилось в результате появления и совершенствования теории уголовного права. Объект преступления можно полагать наиболее исследованным в доктрине уголовного права элементом состава преступления. С конца XIX в. до наших дней ему посвящено большое число научных изысканий виднейших ученых: Л. С. Бельогриц-Котляревского, Н. А. Беляева, Л. Д. Гаухмана, М. А. Гельфера, А. Ф. Кистяковского, В. Н. Кудрявцева, Б. С. Никифорова, Г. П. Новоселова, А. А. Пионтковского, С. В. Познышева, Н. С. Таганцева, А. А. Тер-Акопова, А. Н. Трайнина, М. Д. Шаргородского и других, создавших теорию, пусть и несвободную от противоречий, но обладающую целостностью и стройностью обоснованных положений и выводов³.

Несмотря на глубокое и всестороннее познание объекта преступления, его дальнейшее осмысление средствами юридической науки, однако, необходимо и актуально. Это связано с тем, что в России, как и в большинстве государств мира, систематизация преступлений, находящая выражение, в частности, в структуре Особенной части уголовного закона, производится именно по объекту преступления. Более того, данная систематизация осуществляется законодателем в соответствии с принятыми в обществе и государстве понятиями об охраняемых уголовным правом ценностях и их иерархии (личность, собственность, государственные интересы, мир и безопасность человечества

² Feuerbach P. J. A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. Giessen, 1847.

³ Краснопеев В. А. Объект преступления в российском уголовном праве (теоретико-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2001.

и т.д.). В этой части учение об объекте преступления связано с аксиологией права, т.е. имеет философские корни⁴.

Чтобы стать охраняемой государством, та или иная ценность (благо, интерес) должна быть признаваема в качестве таковой публично-властными органами. Впоследствии, при причинении этой ценности вреда, нарушении блага или интереса, появляется объект преступления (та же ценность, но уже претерпевшая вред) — один из основных элементов его состава, без которого не может быть речи о преступлении как таковом. О тождестве объекта отношений (ценности, блага) и объекта преступления говорил еще Н. А. Неклюдов⁵.

В отечественной уголовно-правовой науке под объектом преступления понимались и понимаются различные сущности. В рамках классической и социологической школ уголовного права, представителем которых можно назвать Н. С. Таганцева, объект преступления — это жизненные интересы, отраженные в праве как правовое благо, «норма права в ее реальном бытии»⁶. Данная позиция обнажает главные черты объекта преступления: индивидуальную ценность (субъективное право), социальную значимость и юридическую охрану.

В советское время возобладала точка зрения на объект преступления как на интересы государства, общества, а затем уже граждан, вступающих в общественные отношения, кото-

рые существуют для удовлетворения этих интересов (Я. М. Брайнин и др.)⁷. Позднее объект преступления рассматривался как правовая ценность (А. Э. Жалинский)⁸, интересы личности, общества и государства, а также неотделимые от человека ценности и блага (В. В. Сверчков)⁹. А. В. Пашковская в попытке интеграции различных точек зрения говорила об объекте преступления как об охраняемых уголовным законом социально значимых ценностях, интересах, благах, в том числе общественных отношениях, на которые посягает лицо, совершающее преступление, и которым в результате совершения преступного деяния причиняется или может быть причинен существенный вред¹⁰.

Научное осмысление феномена объекта преступления в России шло по пути признания и защиты субъективного права, индивидуальной ценности и, наконец, общественных отношений, которые сегодня, в соответствии с положениями теории уголовного права, выступают объектом преступного посягательства¹¹. Такой подход, излишне теоретизируя проблему, осложняет понимание общественной опасности деяния («Чем больше я читаю и думаю об общественной опасности, тем яснее я понимаю, что знаю о ней все меньше...»¹²) и уводит из фокуса внимания те непосредственные интересы (ценности, блага), которые требуют охраны уголовно-правовыми средствами. Не вызываемая необходимостью сложность теоретических конструкций отража-

⁴ Новоселов Г. П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 78, 84.

⁵ Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права : конспект. СПб., 1875. С. 40.

⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 1.

⁷ Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 165.

⁸ См.: Уголовное право : учебник : в 3 т. / под общ. ред. А. Э. Жалинского. М. : Городец, 2011. Т. 1 : Общая часть. С. 378 ; Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. М., 2008. Т. 1 : Общая часть. С. 303.

⁹ Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. пособие для бакалавров. М., 2012. С. 92.

¹⁰ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. М. : Статут, 2014. С. 228.

¹¹ Крылова Н. Е. О понятии объекта преступления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 6. С. 20–33.

¹² Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. С. 309.

ется на качестве правотворческой техники. На этапе криминализации деяний это негативно влияет на рационализацию данного процесса, порождая во множестве квази- и псевдопреступления¹³.

Разные подходы к определению существа объекта преступления не влияют на понимание того, что деяние признается преступным в том случае, если оно представляет опасность для общества, т.е. причиняет вред (или создает реальную опасность причинения вреда) охраняемым уголовным правом интересам, ценностям и благам. Без этого условия говорить о преступлении нельзя; отсутствие вреда, как и его малозначительность, указывает на отсутствие преступления.

Объект преступления — это объект уголовно-правовой охраны (т.е. ценности, блага или интересы), на который уже совершено преступное посягательство. Теория уголовного права различает общий, родовой, видовой и непосредственный объекты преступления, разделенные по признакам посягательства на родственные группы общественных отношений, в их движении от общего к частному.

Значимое место в учении о составе преступления, его объекте и объективной стороне занимает представление о существовании преступлений с материальным, формальным и усеченным составом. Преступлением с материальным составом принято считать такое деяние, в результате которого наступают общественно опасные последствия, указанные в диспозиции уголовно-правовой нормы. Для квалификации преступления с формальным составом наступление вредных последствий необязательно, преступление в данном случае считается оконченным с момента совершения самого деяния. Усеченными именуются составы, в которых не только отсутствуют последствия, но и виновное лицо не совершает полностью даже самого деяния; такое преступление

считается оконченным с момента совершения части деяния (деяний), установленного статьей Особенной части УК. Особенности разных стадий совершения преступления (приготовление, покушение на преступление, неоконченное и оконченное преступление) определяют характер и степень причиненного объекту вреда и влияют на уголовно-правовую оценку действий лица.

Не вдаваясь подробно в доктринальные и правоприменительные различия оснований выделения этих видов составов преступления, а также в особенности позиций различных ученых, как поддерживающих такое деление (С. В. Познышев, А. Н. Трайнин, А. А. Пионтковский, В. С. Комиссаров, Я. М. Брайнин и др.), так и отрицающих его (Н. А. Неклюдов, Н. Ф. Кузнецова, Н. Е. Крылова и др.)¹⁴, следует указать на то, что если определение причиненного деянием вреда требует конструирования специальных научных абстракций (т.е. вред отсутствует или неочевиден), то ценность данного объекта должна быть поставлена под сомнение либо как минимум подвергнута законодателем пристальному анализу.

Представляется, что формальный состав преступления характеризуется не только определенной особенностью объективной стороны, но и качеством объекта преступления, который в данном случае носит формальный характер. Формальным объектом здесь выступает норма права. Именно нарушение нормы права является преступным и влечет уголовную ответственность. Однако невозможно причинить вред норме права, поскольку это правило, сформулированное человеком, результат интеллектуального действия (акта), которое имеет целью дать искусственное основание определенным реальным последствиям. Норму права можно соблюдать или нарушать, изменять или вовсе отменять, но невозможно причинить ей вред. Более того, совершением юридических актов

¹³ Лопашенко Н. А. О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сборник материалов конференции. Минск : БГУ, 2018. С. 87–88.

¹⁴ Крылова Н. Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 6. С. 15–28.

(в данном случае деяний, описанных диспозицией уголовно-правовой нормы) данная норма вызывается к жизни и начинает применяться. Думается, что необходимость защиты уголовно-правовыми средствами неких правил, нарушение которых само по себе не причиняет вред, требует серьезного законодательного переосмысления. При этом вызывает недоумение позиция юристов, относящих к преступлениям с формальным составом, например, доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), побои (ст. 116 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), бандитизм (ст. 209 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и др. В указанных составах причинение вреда преступным деянием очевидно.

Ценность объекта уголовно-правовой охраны (он же объект преступления) должна определять характер и степень воздействия государственных мер принуждения на преступника. Часть 1 ст. 2 УК РФ, определяющая его задачи, по мнению многих ученых, не только содержит перечень охраняемых законом объектов (права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, а также мир и безопасность человечества), но и определяет их иерархию.

Человечество (его передовая часть) в своем цивилизационном развитии пришло к осознанию того, что человек и его права являются высшей ценностью, независимо от принадлежности к определенному государству, общественной системе, социальному слою, классу и т.д. Человек охраняется правом не только потому, что он существо социальное; закон должен охранять его (и его права) независимо от того, какие общественные функции он выполняет. В случае совершения преступного деяния против личности объектом посягательства могут быть некие общественные отношения, носителем которых выступает индивид, но лишь в их неотъемле-

мой связи с самой личностью, самоценностью ее жизни, здоровья, половой неприкосновенности, чести, достоинства и т.д.

Ценностный подход как метод криминализации деяний

Криминализация общественно опасных деяний является центральной проблемой уголовного законодательства и лежит в основе уголовно-правовой политики государства. Вопросами криминализации занимались А. Д. Антонов, Н. А. Беляев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин, А. И. Коробеев, В. Н. Кудрявцев, Н. В. Кузнецова, Т. А. Плаксина, А. М. Яковлев и другие ученые. Наиболее значимой современной работой по проблеме криминализации автор считает монографию Н. Г. Иванова¹⁵.

Вечные вопросы, которые, видимо, не получат окончательного разрешения в обозримом будущем — это основания криминализации (что считать преступным) и ее принципы (критерии и правила установления уголовной ответственности). Первый вопрос требует философского осмысления основ уголовного права, второй — касается искусства применения права, т.е. юридической техники уголовного закона.

Определение криминализации, ставшее общепризнанным, дал А. И. Коробеев. По его мнению, криминализация — это «процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксация их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых»¹⁶. Это определение содержит необходимые и достаточные признаки криминализации, которая носит субъективный, оценочно-волевой характер. Данная субъективность проявляется не только в необходимости учета уровня общественного сознания и потребности общества в криминализации того или иного деяния, но и в

¹⁵ Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М. : Проспект, 2018.

¹⁶ Российское уголовное право : курс лекций : в 8 т. Владивосток : Институт управления, 2001. Т. 1 : Преступление. С. 82.

оценке степени его общественной опасности, а также возможности (невозможности) применения для борьбы с ним менее репрессивных мер, т.е. показателей, традиционно (но, как представляется, ошибочно) полагаемых объективными: ни теорией уголовного права, ни практикой уголовно-правовой борьбы с преступностью не определены, например, объективные критерии для измерения степени общественной опасности деяния.

Серьезным недостатком уголовной политики является подчиненность права политической конъюнктуре. Полагая криминализацию важным инструментом социального контроля, направленного на превенцию отклоняющегося поведения, законодатель (вслед за теоретиками уголовного права) связывал нормы уголовного законодательства как с объективными потребностями общества, так и с интересами доминирующих социальных групп. Еще В. Д. Спасович говорил о том, что законодатель может исключить запрет, который был полезен для общежития, или создать запрет, который не несет в себе ничего криминального, поскольку в его основе не заложено столь серьезное нарушение общественного порядка, которое должно быть фундаментом любого законодательного акта на ниве уголовных правоотношений¹⁷.

Под основаниями криминализации понимались и процессы, происходящие в материальной и духовной жизни общества, развитие которых порождает объективную необходимость уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей (Г. А. Злобин, Л. М. Прокументов, А. В. Шеслер¹⁸),

и обстоятельства, порождающие объективную необходимость уголовно-правовой охраны определенных ценностей (А. Д. Антонов¹⁹). В большинстве ученых под основанием криминализации понимают деяние и его общественную опасность (А. И. Коробеев, Н. А. Лопашенко, П. С. Тоболкин и др.²⁰).

Криминализация — это законодательный процесс, а деяние — это индивидуальный акт. Внесение в уголовный закон криминализующих новелл происходит задолго до совершения описываемого деяния. Уже одно это ставит под сомнение верность такого основания: деяние не может быть основанием криминализации, поскольку оно само криминализуется соответствующей нормой права: последствие не может лежать в основе, фундамент не закладывается под уже возведенное здание.

Представляется, что метод признания деяний преступными, кладущий в основание этого процесса само деяние и его общественную опасность, не способен избавить данный процесс от пороков. Логическая ошибка «idem per idem» («то же посредством того же», или «круговое рассуждение»), при которой в определение вводится само определяемое понятие, наделяет всю возводимую на нем правовую конструкцию очевидными изъянами.

Круг общественно опасных деяний велик и постоянно расширяется в связи с изменением социальной жизни и обретением новых технологий. Можно найти общественную опасность в работе над геномом человека²¹, в использовании искусственного интеллекта²², роботов (в том числе беспилотных транспортных

¹⁷ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. СПб., 1863. Т. 1. С. 84.

¹⁸ Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть. Красноярск, 1997. С. 239, 246.

¹⁹ Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 17–20.

²⁰ См.: Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 58 ; Лесников Г. Ю., Лопашенко Н. А. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 1. С. 75.

²¹ Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : колл. монография / под ред. И. Я. Козаченко, Д. Н. Сергеева. Екатеринбург : Лаборатория Sapientia, 2019. С. 251–252.

²² Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 3. С. 461–476. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.304>.

средств), в действиях человека под водой, в космосе, на Луне и т.д. Подобный подход не только ведет к инфляции уголовного закона²³, но и чреват возможностью властных злоупотреблений.

В основе рациональной криминализации деяний как первого специально-юридического этапа формирования эффективной уголовной политики должно лежать определение наиболее важных ценностей и их иерархии. Ключевым здесь является понятие «наиболее важные ценности», средствами уголовного права следует охранять именно их. Защищавший доктрину правового блага С. В. Познышев считал преступлением лишь такое внешнее поведение человека, которое причиняет прямой вред другим людям тем, что посягает на какое-либо их благо. К таким благам он относил жизнь, здоровье, честь, свободу, имущество²⁴.

Ценностный метод рациональной криминализации логически следует из ценностного подхода в уголовном праве и праве вообще. Он является особым, возможно наиболее важным, методом научного исследования, характерным для юриспруденции и гуманитаристики в целом²⁵. Определение важнейших ценностей, подлежащих охране наиболее сильным правовым инструментом, позволит решить проблему рациональной криминализации, если таковая в принципе возможна²⁶. Закрепление их в законе и соблюдение запрета защищать силами уголовного права иные ценности, не относящиеся к наиболее важным, позволят освободить уголовную политику и всю уголовно-правовую сферу от воздействия идеологизированных и полити-

зированных подходов и методов, преследующих частные, групповые или клановые интересы.

Ценностная природа права приобретает особую роль в периоды проявления серьезных дефектов общественного и индивидуального правосознания, диалектически связанных с потрясениями и переломными моментами в социальной, экономической и политической сферах жизни общества²⁷. Определение преступности деяний должно опираться на определение ценностей, обладающих свойством существенности, т.е. имеющих наибольшее значение для индивида и общества. Установление их иерархии служит как ориентиром для распределения усилий в практической работе всех правоохранительных органов, так и основой для назначения вида и меры наказания судом.

Отечественные ученые в большинстве (А. Э. Жалинский, Я. И. Гилинский, Н. А. Лопашенко, А. И. Коробеев, В. А. Номоконов и др.) отмечают, что в России длительное время (фактически с момента распада СССР) наблюдается системный кризис в сфере уголовного права и уголовной политики. Это выражается прежде всего в крайней нестабильности уголовного законодательства, а также в нерациональной криминализации деяний: с момента введения в действие УК РФ в 1997 г. было принято (на 25 декабря 2023 г.) 324 (!) изменяющих его нормы федеральных закона²⁸. Указанные свойства уголовного закона уже сами по себе позволяют предположить отсутствие у государства уголовной политики как целенаправленной деятельности. В этих условиях карательная прак-

²³ Peršak N. Criminalising Harmful Conduct: The Harm Principle, its Limits and Continental Counterparts. New York, 2007. P. 88.

²⁴ Познышев С. В. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1923. С. 49–53.

²⁵ Антонченко В. В. Проблема ценностного подхода в праве и аксиология правопонимания // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 4. С. 16–22. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-4-2.

²⁶ Лопашенко Н. А. О защите экономических свобод уголовным законом...

²⁷ Ильина Ю. А. Аксиология права как социального явления // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3 (133). С. 30–35. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.032.

²⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

тика государства не только не достигает цели предупреждения преступности, но, наоборот, может провоцировать ее рост²⁹.

Установление вида, меры и степени наказания за то или иное деяние должно находиться в прямой зависимости не от некой «общественной опасности» деяния, а от важности для человека и общества нарушенного блага, т.е. от ценности объекта преступления. При таком подходе, не только воплощенном в действующем уголовном законе, но и открыто и широко предъявленном обществу через правоприменительную практику, уголовное право, как и право вообще, будет выполнять прямые свои функции: как мотивировать у личности право-послушное поведение, так и вызывать желание воздержаться от преступного деяния.

Ценностный подход как принцип определения преступного деяния, в том числе с учетом размера причиненного вреда, обосновывает Ю. Е. Пудовочкин. Однако ученый не говорит о криминализации как законодательной процедуре, наделяющей деяние свойством противоправности; по его мнению, преступлением можно считать деяние вне зависимости от того, установлена ли за него ответственность в законе³⁰. С этим вряд ли можно согласиться.

Осуществляя криминализацию общественно опасного деяния, законодатель, до того как установить все необходимые и достаточные элементы и признаки для его квалификации, должен выявить ценностные характеристики того объекта, который требует уголовно-правовой охраны. Ценности, интересы и блага должны стать основой основ криминализации, поскольку именно от них и зависит стабильность очень переменчивой «общественной опасности» деяний. Исчерпывающий перечень деяний, занимающих свое место в уголовном законе, должен фундаментально опираться на понимание того, какие ценности (блага, интересы) эти деяния

нарушают настолько, что «удостоились» включения в этот закон.

Криминализация деяний сообщает им признак противоправности, который, как указывает Н. Г. Иванов, «изменчив в зависимости от времени существования государственного образования с его оригинальной ментальностью, воплощенной в культурных предпочтениях»³¹. Это требует поиска универсальных ценностей, которые (опять же с позиции сегодняшнего дня — а как иначе?) являются непреходящими во времени и пространстве.

Универсальные ценности

Охраняемые законом ценности в процессе развития государства видоизменялись. Этот процесс позволяет увидеть не только ценности и общественные отношения, которые утрачивали значение, но и выделить непреходящие блага, которые в силу этого можно полагать универсальными. Так, в дореволюционной России к значимым и потому охраняемым уголовным правом в первую очередь объектам относились религиозные чувства, порядок управления, правила государственной службы и сословной организации общества. Закон запрещал создание не только «тайных обществ и запрещенных сходбищ», но и предусматривал ответственность за образование любого общества, созданного без разрешения, и даже за недонесение о таковом. Наказания за государственные преступления предусматривались более серьезные, чем за деяния против частных лиц (партикулярные)³².

В советский период главным охраняемым благом были социалистические общественные отношения, направленные, в соответствии с идеологическими установками КПСС, на построение в СССР бесклассового коммунистического общества. Так, Особенная часть УК РСФСР

²⁹ Антонченко В. В. Неэффективность как имманентное свойство действующего уголовного наказания // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18>.

³⁰ Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 30.

³¹ Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 5.

³² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 1.

1960 г. начиналась главой 1 «Государственные преступления» и главой 2 «Преступления против социалистической собственности». Советский законодатель, таким образом, ставил ценность общественных отношений в указанных сферах выше, чем ценность жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, деяния против которых были криминализованы в гл. 3³³.

Действующее законодательство также говорит о ценностях и устанавливает их иерархию. Так, конституционно определено, что высшей ценностью являются человек, его права и свободы (ст. 2 Конституции РФ). Теоретики уголовного права не упускают возможности указать на то, что расположением гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» и ст. 105 «Убийство» в структуре Особенной части УК РФ законодатель определил приоритетность охраны уголовным законом жизни и здоровья человека. Однако низкий правовосстановительный потенциал уголовного закона и его недостаточная направленность на защиту жизни и здоровья человека свидетельствуют о том, что, несмотря на эти и иные подобные фрагменты действующего законодательства, охрана человека и его прав (к которым в первую очередь относится право на жизнь и защиту здоровья) является декларацией.

Декларативное провозглашение человека высшей ценностью сегодня отнюдь не подкреплено соответствующими правовыми нормами. В настоящее время смерть и причинение вреда здоровью человека как квалифицирующие признаки присутствуют во множестве составов как неосторожных, так и умышленных преступлений. Это нарушает важнейший принцип уголовного права о том, что более тяжкое преступление не может являться квалифицирующим признаком менее тяжкого. Так, например, часть 4 ст. 206 УК РФ охраняет не жизнь человека, а некую общественную безопасность. Положив в основание криминализации не охраняемую ценность, а деяние, законодатель наделил здесь (как и во многих иных нормах уголовного зако-

на) жизнь человека свойствами дополнительного объекта. Это положение не соответствует конституционному установлению о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и, соответственно, должны пользоваться особой защитой государства.

Наиболее важные ценности: жизнь человека, его свобода, здоровье и безопасность (включая половую неприкосновенность), а также безопасность собственности, неизменны на протяжении многих поколений, всем известны, понятны, просты и не зависят от страны и культуры. Это позволяет считать их универсальными.

Н. Д. Сергеевский, полагая, что «никаких признаков преступного деяния, которые для всех времен и народов определяли бы границу между наказуемой неправдой и ненаказуемой, установить мы не можем»³⁴, всё же предложил «криминальный шаблон»³⁵, в котором, среди прочих признаков преступного, указываются причиняемый вред и важность нарушенного блага. Признание данных категорий субъективными и абстрактными обосновано, но только в отношении деяний, присутствие которых в Особенной части уголовного кодекса требует пристального и критичного внимания. Очевидные же блага (универсальные ценности) и причиняемый им вред (причинение вреда жизни убийством, собственности хищением и т.д.) настолько реальны, что не могут быть абстракциями.

Универсальные ценности объективны и могут быть наблюдаемы и измеряемы: жизнь наличествует или отсутствует; здоровье — известно и измеряемы степени причинения ему вреда; собственность имеет стоимость, и т.д. В стоимостном выражении ценности и блага могут быть оценены в зависимости от их иерархии; суды давно определяют размер ущерба при причинении вреда не только собственности и имуществу, но и жизни и здоровью человека (другой вопрос — как это происходит). Причинение вреда универсальным ценностям в

³³ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/2> (дата обращения: 12.01.2024).

³⁴ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая. СПб., 1915. С. 48.

³⁵ Сергеевский Н. Д. Указ. соч. С. 49.

результате убийства, изнасилования, грабежа или мошенничества всегда будет очевидным, независимо от того, применялись ли при этом искусственный интеллект, геном человека, роботы, космические технологии и т.д.

Другие важные ценности, такие как, например, общественная и государственная безопасность, не самоценны; они являются лишь условием обеспечения наиболее важных ценностей, т.е. производны от последних. Они (как и некоторые иные) также должны защищаться средствами уголовного права, однако их защита должна быть настолько филигранно обеспечена юридической техникой и рациональной уголовной политикой, подконтрольной обществу, что риски злоупотреблений, связанных прежде всего с расширением сферы действия уголовного права (даже под предлогом заботы об «общественной безопасности»)³⁶, должны быть сведены к минимуму.

Такой подход должен обеспечивать исключение из законотворчества и правоприменения разного рода флуктуаций, обслуживающих сиюминутные потребности государства и властных элит, расходящихся с представлением об универсальных ценностях. Рационализация уголовного права и воплощение ценностного подхода на практике могут быть обеспечены массовой декриминализацией незначительных, излишне криминализированных деяний, которые требуют преобразования в административные проступки или гражданско-правовые деликты³⁷. Отдав другим отраслям права заботу о нарушениях, которые вряд ли требуют противодействия со стороны репрессивной государственной машины, уголовное право от этого только выиграет. Это позволит фактически реализовать принцип экономии уголовной репрессии (забываемый уже не только в юридической практике, но и на стадии законотворчества), что,

как показывает мировой опыт, способно повлиять на эффективность правоохранения³⁸.

Универсальность прав человека объясняется тем, что провозглашающие их идеологии опираются на фундаментальные человеческие потребности, связанные в конечном счете с возможностью выживания. Этот подход отвечает требованиям деонтической полноты, непротиворечивости и сбалансированности, необходимых для построения реально функционирующих правовых систем, обладающих внутренней логикой, соответствующих природе права, его онтологии и детерминирующих прогрессивное развитие общества. Концепт прав человека как высшего закона человечества защищает любого индивида не только от неправового закона, злоупотребления правом и религиозных догм, но и от предрассудков демократического большинства. В контексте противодействия бесчеловечным, но «демократическим и законным» деструктивным процессам и актам, освященным авторитетом высших политических инстанций, права человека, обладающие универсальной ценностью, должны доминировать над общественными традициями, политической, религиозной и иной целесообразностью, личными интересами властных элит и т.п. Защита универсальных ценностей, прежде всего прав человека, — это направление развития государства из состояния варварства к цивилизованному положению.

Выводы

Основание криминализации должно быть связано с ценностью и благом (объектом преступления), признанием государством ценности того жизненного блага и интереса, которые требуют особенной защиты. Право человека не подвер-

³⁶ См.: Щедрин Н. В., Кылина О. М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее: общеправовой и криминологический аспекты. Красноярск : ЮИ КрасГУ, 2006 ; Щедрин Н. В. Пределы предупредительной деятельности // Lex russica. 2018. № 9. С. 39–53. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.039-053>.

³⁷ Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб. : Алетейя, 2023. С. 73.

³⁸ Лунеев В. В. Преступность XX века : Мировые, региональные и российские тенденции : Мировой криминологический анализ. М., 1997.

гаться пыткам не равно праву выбирать форму досуга или хобби; дорогостоящая репрессивная машина государства должна защищать наиболее существенные и жизненно важные права.

Если под основанием криминализации понимать общественную опасность поведенческого акта в отрыве от охраняемых законом ценностей, то объекты преступления (их количество и качество) получают очень широкую трактовку. Множество деяний, не представляющих опасность для универсальных ценностей, определяются законодателем как преступные; это, к сожалению, приходится наблюдать и в наши дни. Невозможно не согласиться с тем, что чрезмерная криминализация деяний — прямой путь к неэффективности уголовно-правового регулирования³⁹.

Игнорирование принципа «Nullum crimen sine lege» приводит общество к беззаконию, следование же ему в условиях жестких автократий и диктатур — к «разгулу законности», при котором государство, занимая место преступника, обрушивается на социум всей мощью своей карательной машины. Даже в высокоорганизованном государстве народ под влиянием авторитета власти, пропаганды и личных выгод вполне способен допустить не только нарушение чьих-то политических, имущественных и иных прав, но и «окончательное решение» того или иного вопроса методом массового уничтожения миллионов людей⁴⁰. Задача юристов — провести общество по лезвию бритвы между пропастью правового нигилизма и бездной «законности», как ее понимали китайские легисты IV–III вв. до н. э., создавшие один из самых одиозных деспотических режимов в истории человечества⁴¹.

Впрочем, сегодня мы сталкиваемся с мнением о том, что ради общегосударственных интересов и принцип «Nullum crimen sine lege» может реализовываться судами не во всех случаях⁴². Само существование подобной позиции в отношении принципа ограничения властного произвола является нонсенсом и свидетельствует о тяжелых деформациях правосознания, затрагивающих уже и правоведов, ставящих под сомнение основополагающий принцип законности. Подобный подход, к сожалению, очень хорошо известен истории государства и права: в тех случаях, когда власть прибегала к нему, чтобы «пожертвовать правом и спасти общество»⁴³, именно общество и несло тяжелейшие потери, связанные в том числе и с многочисленными человеческими жертвами вследствие политико-правовой практики разнообразных деспотий, тираний и диктатур.

Обращение к ценностной природе уголовного права — это необходимая мера для цивилизационного развития. Неслучайно к проблеме ценностей обращались в своих проникнутых гуманистическим содержанием работах еще древние мыслители: Гераклит, Сократ, Платон и Аристотель, видевшие связь ценностей с добродетелью и нравственностью, обязательными для человеческих поступков⁴⁴. Философы европейского Просвещения XVIII в. придали древнему пониманию ценностей рациональные свойства, а мыслители XIX в. — юридическое содержание.

Особенно актуальна аксиология права (в том числе и аксиология уголовного права) в период переломных моментов в политической, экономической и социальной сферах жизни общества. Исторически доказано, что карательные меры

³⁹ Гилинский Я. И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб. : Алетейя, 2024. С. 10.

⁴⁰ Михман Д. Катастрофа европейского еврейства : в 3 т. Тель-Авив : Откр. ун-т Израиля, 2001.

⁴¹ Ударцев С. Ф. История политических и правовых учений. Древний Восток : академический курс. СПб. : Изд. СПб. гос. ун-та, 2007.

⁴² Тихонравов Е. Ю. Принцип Nullum crimen sine lege в истории отечественного уголовного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 548–557. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-548-557.

⁴³ Jhering R. Law as a Means to an End. Boston : The Boston Book Company, 1913. P. 317.

⁴⁴ См.: Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М. ; СПб., 2005 ; Греческая философия : в 2 т. / под ред. М. Канто-Спербер. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006–2008.

не являются эффективными, иначе преступность как явление давно перестала бы существовать. Однако ни смертная казнь, ни каторга, ни калечащие наказания не оказали видимого эффекта на количество и качество совершаемых в мире преступлений. Наоборот, страны, отличающиеся жесткой репрессивной уголовной политикой, имеют высокие показатели преступности, прежде всего насильственной, направленной против личности человека. Можно говорить о том, что преступление и наказание связаны диалектически: взаимно влияют друг на друга и во многом взаимообусловлены.

Отказ от понятия общественной опасности, если эта опасность неочевидна и требует для своего существования сложных юридических конструкций, — насущная задача юридической науки. Декриминализация любых деяний с неочевидным вредом для ценностей, благ и интересов человека является первостепенной обязанностью законодателя. Уголовное право должно пересмотреть свою роль в борьбе с преступностью и, признав за собой, кроме прочих, также и ценностно-ориентационные функции, направить всю тяжесть своей репрессии на защиту универсальных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. — М. : СПб., 2005. — 448 с.
2. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — 182 с.
3. Антонченко В. В. Неэффективность как имманентное свойство действующего уголовного наказания // Legal Concept = Правовая парадигма. — 2023. — Т. 22. — № 2. — С. 139–146. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18>.
4. Антонченко В. В. Проблема ценностного подхода в праве и аксиология правопонимания // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 16–22. — DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-4-2.
5. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. — М., 1963. — 275 с.
6. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : коллективная монография / под ред. И. Я. Козаченко, Д. Н. Сергеева. — Екатеринбург : Лаборатория Sapientia, 2019. — 263 с.
7. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. — СПб. : Алетейя, 2023. — 281 с.
8. Гилинский Я. И. Криминология и девиантология постмодерна. — СПб. : Алетейя, 2024. — 242 с.
9. Греческая философия : в 2 т. / под ред. М. Канто-Спербер. — М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006–2008.
10. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. — М. : Проспект, 2018. — 80 с.
11. Ильина Ю. А. Аксиология права как социального явления // Вестник Вятского государственного университета. — 2019. — № 3 (133). — С. 30–35. — DOI: 10.25730/VSU.7606.19.032.
12. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация : Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. — Екатеринбург : Sapientia, 2020. — 256 с.
13. Краснопеев В. А. Объект преступления в российском уголовном праве (теоретико-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. — Кисловодск, 2001. — 186 с.
14. Крылова Н. Е. Материальные, формальные и усеченные составы преступлений: дискуссия с продолжением // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2017. — № 6. — С. 15–28.
15. Крылова Н. Е. О понятии объекта преступления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2013. — № 6. — С. 20–33.
16. Лесников Г. Ю., Лопашенко Н. А. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. — СПб., 2005. — 699 с.

17. *Лопашенко Н. А.* О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сборник материалов конференции. — Минск : БГУ, 2018. — С. 87–88.
18. *Лопашенко Н. А.* Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс : монография. — М. : Юрлитинформ, 2019. — 396 с.
19. *Лунеев В. В.* Преступность XX века : Мировые, региональные и российские тенденции : Мировой криминологический анализ. — М., 1997. — 497 с.
20. *Михман Д.* Катастрофа европейского еврейства : в 3 т. — Тель-Авив : Откр. ун-т Израиля, 2001.
21. *Мосечкин И. Н.* Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2019. — № 3. — С. 461–476. — URL: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.304>.
22. *Наумов А. В.* Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. Т. 1 : Общая часть. — М., 2008. — 742 с.
23. *Неклюдов Н. А.* Общая часть уголовного права : конспект. — СПб., 1875. — 192 с.
24. *Новоселов Г. П.* Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2001. — 259 с.
25. *Познышев С. В.* Учебник уголовного права. Общая часть. — М., 1923. — 296 с.
26. *Прокументов Л. М., Шеслер А. В.* Криминология. Общая часть. — Красноярск, 1997. — 255 с.
27. *Пудовочкин Ю. Е.* Учение о преступлении. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 276 с.
28. Российское уголовное право : курс лекций : в 8 т. Т. 1 : Преступление. — Владивосток : Институт управления, 2001. — 346 с.
29. *Сверчков В. В.* Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. пособие для бакалавров. — М., 2012. — 608 с.
30. *Сергиевский Н. Д.* Русское уголовное право: пособие к лекциям. Часть общая. — СПб., 1915. — 397 с.
31. *Спасович В. Д.* Учебник уголовного права. Т. 1. — СПб., 1863. — 178 с.
32. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. — М. : Наука, 1994. — 380 с.
33. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Т. 1. — Тула, 2001. — 800 с.
34. *Тихонравов Е. Ю.* Принцип Nullum crimen sine lege в истории отечественного уголовного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. — Вып. 38. — С. 548–557. — DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-548-557.
35. *Тоболкин П. С.* Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. — Свердловск, 1983. — 177 с.
36. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. — М. : Статут, 2014. — 879 с.
37. Уголовное право : учебник : в 3 т. / под общ. ред. А. Э. Жалинского. Т. 1 : Общая часть. — М. : Городец, 2011. — 863 с.
38. *Ударцев С. Ф.* История политических и правовых учений. Древний Восток: академический курс. — СПб. : Изд. СПб. гос. ун-та, 2007. — 661 с.
39. *Щедрин Н. В.* Пределы предупредительной деятельности // Lex russica. — 2018. — № 9. — С. 39–53. — URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.039-053>.
40. *Щедрин Н. В., Кылина О. М.* Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее: общеправовой и криминологический аспекты. — Красноярск : ЮИ КрасГУ, 2006. — 120 с.
41. *Feuerbach P. J. A.* Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. — Giessen, 1847. — 878 S.
42. *Jhering R.* Law as a Means to an End. — Boston : The Boston Book Company, 1913. — 483 p.
43. *Peršak N.* Criminalising Harmful Conduct: The Harm Principle, its Limits and Continental Counterparts. — New York, 2007.

Материал поступил в редакцию 13 января 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ado P. Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya. — M.: SPb., 2005. — 448 s.
2. Antonov A. D. Teoreticheskie osnovy kriminalizatsii i dekriminalizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2001. — 182 s.
3. Antonchenko V. V. Neeffektivnost kak immanentnoe svoystvo deystvuyushchego ugovnogo nakazaniya // Legal Concept = Pravovaya paradigma. — 2023. — T. 22. — № 2. — S. 139–146. — DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.18>.
4. Antonchenko V. V. Problema tsennostnogo podkhoda v prave i aksiologiya pravoponimaniya // Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta. — 2023. — T. 10. — № 4. — S. 16–22. — DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-4-2.
5. Braynin Ya. M. Ugolovnaya otvetstvennost i ee osnovanie v sovetskom ugovnom prave. — M., 1963. — 275 s.
6. Geneticheskie issledovaniya: zakonodatelstvo i ugolovnaya politika: kollektivnaya monografiya / pod red. I. Ya. Kozachenko, D. N. Sergeeva. — Ekaterinburg: Laboratoriya Sapientia, 2019. — 263 s.
7. Gilinskiy Ya. I. Deviantnost, prestupnost, sotsialnyy kontrol. — SPb.: Aletyya, 2023. — 281 s.
8. Gilinskiy Ya. I. Kriminologiya i deviantologiya postmoderna. — SPb.: Aletyya, 2024. — 242 s.
9. Grecheskaya filosofiya: v 2 t. / pod red. M. Kanto-Sperber. — M.: Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina, 2006–2008.
10. Ivanov N. G. Obshchestvennaya opasnost deyaniya kak ontologicheskaya osnova kriminalizatsii. — M.: Prospekt, 2018. — 80 s.
11. Ilina Yu. A. Aksiologiya prava kak sotsialnogo yavleniya // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2019. — № 3 (133). — S. 30–35. — DOI: 10.25730/VSU.7606.19.032.
12. Kozachenko I. Ya., Sergeev D. N. Novaya kriminalizatsiya: Filosofsko-yuridicheskii putevoditel po miru prestupnogo i neprestupnogo. — Ekaterinburg: Sapientia, 2020. — 256 s.
13. Krasnopeev V. A. Obekt prestupleniya v rossiyskom ugovnom prave (teoretiko-pravovoy analiz): dis. ... kand. yurid. nauk. — Kislovodsk, 2001. — 186 s.
14. Krylova N. E. Materialnye, formalnye i usechennye sostavy prestupleniy: diskussiya s prodolzheniem // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. — 2017. — № 6. — S. 15–28.
15. Krylova N. E. O ponyatii obekta prestupleniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. — 2013. — № 6. — S. 20–33.
16. Lesnikov G. Yu., Lopashenko N. A. Entsiklopediya ugovnogo prava. T. 1. — SPb., 2005. — 699 s.
17. Lopashenko N. A. O zashchite ekonomicheskikh svobod ugovnym zakonom i ot ugovnogo zakona // Problemy effektivnosti osushchestvleniya pravookhranitelnoy funktsii v obespechenii sotsialno-ekonomicheskoy stabilnosti v obshchestve: sbornik materialov konferentsii. — Minsk: BGU, 2018. — S. 87–88.
18. Lopashenko N. A. Razmyshleniya ob ugovnom prave. Printsipy ugovnogo zakonodatelstva. Ugolovnyy zakon. Prestuplenie, prostupok i sostav prestupleniya. Avtorskiy kurs: monografiya. — M.: Yurlitinform, 2019. — 396 s.
19. Lunev V. V. Prestupnost XX veka: Mirovye, regionalnye i rossiyskie tendentsii: Mirovoy kriminologicheskii analiz. — M., 1997. — 497 s.
20. Mikhman D. Katastrofa evropeyskogo evreystva: v 3 t. — Tel-Aviv: Otkr. un-t Izrailya, 2001.
21. Mosechkin I. N. Iskusstvennyy intellekt i ugolovnaya otvetstvennost: problemy stanovleniya novogo vida subekta prestupleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. — 2019. — № 3. — S. 461–476. — URL: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.304>.
22. Naumov A. V. Rossiyskoe ugovnoe pravo: kurs lektsiy: v 3 t. T. 1: Obshchaya chast. — M., 2008. — 742 s.
23. Neklyudov N. A. Obshchaya chast ugovnogo prava: konspekt. — SPb., 1875. — 192 s.
24. Novoselov G. P. Aktualnye voprosy ucheniya ob obekte prestupleniya: metodologicheskie aspekty: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2001. — 259 s.

25. Poznyshev S. V. Uchebnik ugovnogo prava. Obshchaya chast. — M., 1923. — 296 s.
26. Prozumentov L. M., Shesler A. V. Kriminologiya. Obshchaya chast. — Krasnoyarsk, 1997. — 255 s.
27. Pudovochkin Yu. E. Uchenie o prestuplenii. — M.: Yurlitinform, 2010. — 276 s.
28. Rossiyskoe ugovnoe pravo: kurs lektsiy: v 8 t. T. 1: Prestuplenie. — Vladivostok: Institut upravleniya, 2001. — 346 s.
29. Sverchkov V. V. Ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti: ucheb. posobie dlya bakalavrov. — M., 2012. — 608 s.
30. Sergievskiy N. D. Russkoe ugovnoe pravo: posobie k lektsiyam. Chast obshchaya. — SPb., 1915. — 397 s.
31. Spasovich V. D. Uchebnik ugovnogo prava. T. 1. — SPb., 1863. — 178 s.
32. Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. Chast obshchaya: v 2 t. T. 1. — M.: Nauka, 1994. — 380 s.
33. Tagantsev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. T. 1. — Tula, 2001. — 800 s.
34. Tikhonravov E. Yu. Printsip Nullum crimen sine lege v istorii otechestvennogo ugovnogo prava // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2017. — Vyp. 38. — S. 548–557. — DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-548-557.
35. Tobolkin P. S. Sotsialnaya obuslovlennost ugovno-pravovykh norm. — Sverdlovsk, 1983. — 177 s.
36. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast. — M.: Statut, 2014. — 879 s.
37. Ugolovnoe pravo: uchebnik: v 3 t. / pod obshch. red. A. E. Zhalinskogo. T. 1: Obshchaya chast. — M.: Gorodets, 2011. — 863 s.
38. Udartsev S. F. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Drevniy Vostok: akademicheskii kurs. — SPb.: Izd. SPb. gos. un-ta, 2007. — 661 s.
39. Shchedrin N. V. Predely predupreditelnoy deyatel'nosti // Lex russica. — 2018. — № 9. — S. 39–53. — URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.142.9.039-053>.
40. Shchedrin N. V., Kyлина O. M. Mery bezopasnosti dlya okhrany vlasti i zashchity ot nee: obshchepravovoy i kriminologicheskii aspekty. — Krasnoyarsk: Yul KrasGU, 2006. — 120 s.
41. Feuerbach P. J. A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. — Giessen, 1847. — 878 S.
42. Jhering R. Law as a Means to an End. — Boston: The Boston Book Company, 1913. — 483 p.
43. Peršak N. Criminalising Harmful Conduct: The Harm Principle, its Limits and Continental Counterparts. — New York, 2007.